

УДК 821.161.1-3.09Г58

В. В. Любецька

Друге бачення та сонна дійсність у гоголівському світі

У статті розглядається феномен сну, який формує інобуття у М. В. Гоголя (на матеріалі повісті "Страшна помста" (цикл "Вечори на хуторі біля Диканьки" та повісті "Портрет" (цикл "Арабески"). Осмислюється проблема другого бачення у творчості письменника, що пов'язана з сонною дійсністю і проникає у реальність (повість "Страшна помста"). Стверджується, що естетична проблематика пов'язується у М. В. Гоголя з м'яким баченням світу (повість "Портрет"). Візіонерство М. В. Гоголя проявляється через сон і затверджується в реальності. Образи сну і образи дійсності часто зливаються у письменника в єдине ціле. Уві сні руйнуються денні форми свідомості, оскільки сон є імпульсом до справжньої дії; він пов'язаний з життям, а життя схоплює сновидіння. В такому випадку, в творчості М. В. Гоголя "снитися" означає "бути". Вивчення феномену сну має важливе значення і дає можливість глибше зрозуміти сторони художньої свідомості письменника, еволюцію його світогляду до ідеї релігійного перетворення людини і світу. Ключові слова: друге бачення, сонна дійсність, буття, зображальність, візіонерство.

В статье рассматривается феномен сна, формирующий инореальность у Н. В. Гоголя (на материале повести "Страшная месь" (цикл "Вечера на хуторе близ Диканьки" и повести "Портрет" (цикл "Арабески"). Осмысливается проблема второго видения в творчестве писателя, связанная с сонной действительностью и проникающая в реальность (повесть "Страшная месь"). Утверждается, что эстетическая проблематика связывается у Н. В. Гоголя с мистическим видением мира (повесть "Портрет"). Визионерство Н. В. Гоголя проявляется через сон и утверждается в реальности. Образы сна и образы действительности часто сливаются у писателя в единое целое. Во сне разрушаются дневные формы сознания, так как сон - есть импульс к подлинному действию; он связан с жизнью, а жизнь схватывает сновидения. В таком случае, в творчестве Н. В. Гоголя "сниться" значит "быть". Изучение феномена сна имеет важное значение и дает возможность глубже уяснить стороны художественного сознания писателя, эволюцию его мирозерцания к идее религиозного преображения человека и мира.

Ключевые слова: второе видение, сонная действительность, явь, изобразительность, визионерство.

The article deals with the phenomenon of sleep that forms an inoreality in N. V. Gogol writings (on the material of the story "A Terrible Vengeance" ("Evenings on a Farm near Dikanka" cycle) and the story "The Portrait" ("Arabesques" cycle). The second vision problem in the writer's work comprehends and connects with a dreamy realness penetrating into reality (the story "A Terrible Vengeance"). It is asserted that N. V. Gogol's aesthetic problems are associated with the mystical vision of the world (the story "The Portrait"). Gogol's visions are manifested through a sleep and affirmed in the reality. The images of sleep and the images of reality often merge by the writer into a singb whob. Day forms of conscbusiness are destroyed in a dream, because sleep is an impulse to genuine actbn and connects with the life, which grasps dreams. In this case, in N. V. Gogol works "to dream" means 'to be". The study of the phenomenon of sleep is important and provides an opportunity to better understanding the sides of the writer's artistic conscbusiness, the evolubn of his world outlook to the idea of religious transformation of man and the world.

Keywords: second vision, dream reality, being, representative visionary.

Н. В. Гоголь - один из самых сложных писателей мира, своеобразный и самобытный мастер художественного слова, с уникальным стилем и юмором, с особым видением. Видение реального мира через призму фантазии, сказки у Н. В. Гоголя является видением истинным. В гоголевском мире материальное и духовное, конечное и бесконечное, естественное и сверхъестественное представляют нераздельное единство. Другое "истинное измерение" - это сонная действительность у Н. В. Гоголя, глубже и точнее яви отражающая суть вещей. Таким образом, статья посвящена рассмотрению проблемы второго видения, которое связано с сонной действительностью у Н. В. Гоголя. Изучение феномена сна имеет важное значение и дает возможность глубже уяснить стороны художественного сознания писателя, эволюцию его мирозерцания к идее религиозного преображения человека и мира.

А. М. Ремизов писал о том, что "реальность... не больше, как запись, в которой нет души..." и только "сон - это единственная наша связь с тем миром и проводником в этом мире тайных мыслей" [3, с. 4]. Образы сна и образы действительности часто сливаются у Н. В. Гоголя в единое целое. Во сне разрушаются дневные формы сознания, но сон - есть импульс к подлинному действию, потому как сон связан с жизнью, а жизнь схватывает сновидения. В таком случае, в творчестве Н. В. Гоголя "сниться" значит "быть".

Так в повести "Страшная месть" необычные, странные сны главных героев - это особая форма отображения действительности; они

дают реальное представление об окружающем мире и о грядущих событиях. Сон Катерины - чары ее отца-колдуна. Во сне колдун открывает дочери свое желание, чтоб она была его женой и родила бы колдуна еще большей силы, чем он сам. Это единственная возможность для колдуна отсрочить страшную месть. "Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна. "Муж мой милый, муж дорогой, чудный мне сон снился! - "Какой сон, моя любая пани Катерина?" - "Снилось мне, чудно, право, и так живо, *будто наяву...* что отец мой тот самый урод, которого мы видели у есаула ... Если бы ты слышал, что он говорил... Говорил: "Ты посмотри на меня, Катерина, я хорош! Люди напрасно говорят, что я дурен. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я *поглядываю очами!*" Тут навел он на меня *огненные очи*, я вскрикнула и *пробудилась*". - "Да, сны много говорят правды" [1, т. I, с. 144]. По преданию душа спящего человека находится у Божьего престола, душа Катерины иная, ей выпало в тумане сна посещать своего злого отца, который и в действительности не дает ей с мужем жизни, замышляя злые дела. Пан Данило видит во сне сон Катерины, и это довольно редкое явление - видеть во сне то, что другому снится. Но душа Данило связана с душой Катерины, связана пониманием и любовью. Видит Данило во сне душу Катерины, видит, как узнает она о том, что отец зарезал мать, и страшное это видение открывает всю правду Данило о колдуне, нелюбовь к тестю оказывается оправданной, ибо "не казацкого он роду", он - "антихрист". "Как хорошо ты сделал, что разбудил меня! - говорила Катерина ... Какой страшный сон мне виделся!" - "Какой же сон, уж не этот ли? ... Ты не знаешь и десятой доли того, что знает душа. Знаешь ли, что отец твой антихрист?" [1, т. I, с. 150]. Во сне все движения окованы, сонное состояние давящее, но и проснуться в реальность страшно. "Страшно, страшно!" - говорит Данило про себя, и ему вторит Катерина: "Ах, как страшен отец мой!" [1, т. I, с. 150].

Третий сон Катерины - сон горький и безысходный, сводящий с ума. Уж потеряла ясная панна своего Данило, погиб он в бою, и остался только их маленький сын, которого охраняют верные казаки. Уснула Катерина, все тихо, казаки стоят на стороже. "Вдруг Катерина, вскрикнув, *проснулась*, и за нею проснулись все. "Он убит, он зарезан!" - кричала она и кинулась к колыбели. Все обступили колыбель и окаменели от страха, увидевши, что в ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвил ни один из них, не зная, что думать о неслыханном злодействе" [1, т. I, с. 161]. Н. В. Гоголь не дает подробного

описания сна героини, но показывает, что события реальности разворачиваются в непосредственной связи с трагедией, разыгравшейся во сне. Скорее всего, Катерина видела во сне всю сцену, не в силах проснуться, очарованная заклинаниями колдуна. Как мы видим, "сны и галлюцинации Гоголя поражают наглядностью и четкостью изображения, причем запредельное и сверхъестественное предстают в них ярче, насыщеннее и действительнее здешнего мира. Потустороннее много реальнее видимой действительности: там-то и скрывается истинная реальность..." [4, с. 644].

Полное единство сна, мистики и реальности мы находим и в повести "Портрет", повести о глубокой трагедии художника, "познавшего радость вдохновенного творчества и не сумевшего отстоять свое искусство от растленной власти денег и торжествующей пошлости" [2, с. 206]. Именно сон призван обнаружить дисгармонию реальной жизни. Сон в "Портрете" "трехступенный", с пробуждением во сне и выходом в новое сновидение. То есть, действительное пробуждение героя происходит на поверхности первого сна. А. М. Ремизов отмечает, что "весь сон можно представить как спуск и подъем" [3, с. 101]. В первом сне - старик выходит из рамки; дальше - Чартков вышел из-за ширмы, а губы старика вытягиваются к герою, словно хотят его высосать; и последнее - герой видит в щелку, как старик силится выйти из рамки: "Он опять подошел к портрету, с тем чтобы рассмотреть эти чудные глаза, и с ужасом заметил, что они точно *глядят* на него ... Но наконец уже в самом деле... он *видит, видит* ясно ... портрет *глядит*... прямо в него, глядит просто к нему вовнутрь... У него захолонуло сердце. Старик пошевелился и вдруг уперся в рамку обеими руками. Наконец приподнялся на руках и, высунув обе нот, выпрыгнул из рам..." [1, т. III, с. 70-71]. Дальше происходит следующее - страшный старик пересчитывает деньги, свертки, на которых написано "1000 червонных". Золото блестит, пугает и притягивает Чарткова. Один сверток он судорожно прячет у себя, но старик вскоре замечает его отсутствие и возвращается к ширмам, за которыми прячется герой: "Полный отчаяния, стиснул он всю силу в руке своей сверток, употребил все усилие сделать движение, вскрикнул - и *проснулск'*" [1, т. III, с. 72]. Но сон словно продолжается наяву: "Неужели это был сон?" - сказал он, взявши себя обеими руками за голову; но страшная живость явления не была похожа на сон. Он *видел*, уже пробудившись, как старик ушел в рамки ... И *видит* он это уже не сон: черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться к

нему, как будто бы хотели его высосать... С воплем отчаянья отскочил он - и *проснулся*" [1, т. III, с. 72-73]. Снова все возвращается, снова Чартков задается вопросом: "Неужели и это был сон?" ... Он вперил глаза в щель и пристально *глядел* на простыню. И вот *видит* ясно, что простыня начинает раскрываться, как будто бы под ней барахтались руки и силились ее сбросить. "Господи, боже мой, что это!" - вскрикнул он, крестясь отчаянно, и *проснулся* [1, т. III, с. 73]. И это было сном, просыпается герой на следующий день очень поздно, с усталостью и головной болью. Пробуждение в действительность произошло, но действительность по своей пасмурности и тягостности мало чем отличается от страшного сна. Слово "видит" встречается так часто неслучайно, значимо и уточнение - "видит ясно", то есть сон каким-то таинственным образом яснее отражает все то, что скрывает дневная явь.

Дневной свет маскирует демоническое и мистическое, но апокалиптический смысл повести не меняется. "Глядит" на художника его творение, и главный вопрос - только "глядит" или "вздит"¹? Но портрет не может "видеть", да, может быть выразителен взгляд и в этом сила изобразительного искусства, но во сне Чарткова становится понятно, что портрет тоже "водит" и "водит"¹ не менее ясно, чем герой, потому что "глядит просто к нему вовнутрь" [1, т. III, с. 71]. Зрит в корень грехопадения Чарткова, превратившего искусство в бездушное ремесло: "Служение искусству требует от художника нравственной стойкости и мужества, понимания высокой ответственности перед обществом за свой талант. Ни того, ни другого не доставало Чарткову" [2, с. 206].

Н. В. Гоголь вкладывает в повесть "Портрет" главную мысль - о высоком нравственном потенциале искусства. Выразительность, полноту и реалистичность эта мысль обретает благодаря образу героя, который изображается одновременно в двух измерениях - фантастическом, где главенствует демонический образ ростовщика, представляющего собой "абстрактное воплощение всемирного зла" [2, с. 207], и реальном, где на героя влияют различные жизненные обстоятельства, социум.

И все таки - эстетическая проблематика связывается у Н. В. Гоголя с мистическим водением мира, потому что "изображать - уже ... в некотором роде чудотворить" [4, с. 568]. По мысли А. Терца, словесное искусство изначально смыкалось с волшебством, это второе видение или иноводение: "В конечных своих результатах, в преследовании читателей силою *ожившего образа*, оно ... пыталось соперничать с практической магией" [4, с. 568]. Таким образом, и истинная тема

"Портрета" обнаруживается в "глядении" и "видении", через сон проявляющихся и утверждающихся в реальности. Чудесная, перешедшая законы естественного, изобразительность, пугает и впечатляет: "Все это можно назвать художественной гальванизацией образа, доведенного старанием автора до иллюзии присутствия ... Гоголевские образы подобны его портрету, который, глядя на нас, оживает и выскакивает из рамы ... Зримое переступает границы, отведенные картине, и принимается преследовать тех, на кого оно смотрит" [4, с. 576].

Сон в последней редакции повести "Портрет" играет важную функцию - разграничить фантастическое и реальное. Кошмары Чарткова оказываются результатом его психического состояния, они подготовлены впечатлительностью художника. С одной стороны, мотивировкой сна Н. В. Гоголь ослабил фантастический эффект, столь неприятный для В. Г. Белинского, а с другой стороны - необъясним тот факт, что в раме старого портрета оказался сверток именно "в синей бумаге" и именно с надписью "1000 червонных". В действительность проникает "отрывок" из сна, а в сон - "страшный" отрывок из действительности, тем самым обнаруживая непознанную границу, когда реальное соскальзывает в фантастическое и наоборот, являя облик фантастического мира Н. В. Гоголя.

Кошмарный сон подготовлен "внезапным страхом" Чарткова, но "1000 червонных" - реальный факт, малообъяснимый с точки зрения здравого смысла. В реальности видение Чарткова оказывается закономерным знаком судьбы, сделкой с антихристом и со своей совестью. Бытовой материал эпохи, сознательно введенный писателем в повествование о ростовщике, снимает мистический, но апокалиптический колорит образа дьявола; его влияния на судьбу талантливого молодого художника однозначно разрушительно. Фантастический образ, созданный на широком историческом фоне, приобретает черты конфетные и всеобщие во второй редакции повести. Н. В. Гоголь последовательно переводит образ ростовщика-дьявола из космического плана в культурно-исторический, но не снижает его значения до чисто эмпирического.

Визионерство Н. В. Гоголя граничит с ясновидением и при этом создает писателю впечатляющую репутацию реалиста, "писателя жизни действительной" (по В. Г. Белинскому). Образы Н. В. Гоголя "гипнотизируют, обладают властью миража ... сходя за картину действительности" [4, с. 578]. Преувеличенную изобразительную силу Н. В. Гоголя А. Терц называет "магическим реализмом", который обращает словесность в физически существующее: "В этом смысле "глядит!" -

уверение, столь резко акцентированное и наглядное подтверждение в гоголевском "Портрете", - имеет характер программы для всего его писательского и жизненного дела. От изобразительной магии протягиваются нити к пророческим и религиозно-практическим запросам Гоголя" [4, с. 579].

Творчество, как и сновидение, приходит вдруг и возникает некий образ. У Н. В. Гоголя реальность сна очевидна, та же острота чувства, та же яркость видения. Во сне есть все - форма, цвет, звук, запах. Через сон чувствуется подлинная связь с миром, о себе и о другом узнаешь все то, что скрывает реальность. Сон лишен дневной условности, он вернейший проводник художественной мысли. В повестях Н. В. Гоголя осуществляется выход за дневную явь в мир сновидений, в пространство многомерное. В "Страшной мести" сны вещие, а точнее реальные. Все, что происходит во сне, повторяется в точности в действительности, и остается неясным - действительность формирует страшные сны или наоборот. Сны-пророчества, сны - глубокая память о "страшной мести" и великом грехе колдуна. Мания и магия зрительного чувства - подспудная тема повести "Портрет", повести об искушении взглянуть, увидеть и прозреть; прозреть значит освободиться от всего ненастоящего, связывающего истинного творца, способного видеть и создавать красоту. Герой изменил своему призванию, его духовное падение совершается тогда, когда он начинает удовлетворять эстетические потребности общества, забывая главное - искусство существует ради искусства. Чартков низводится Н. В. Гоголем "с небес на землю", потусторонние, демонические силы, появляющиеся в образе ростовщика-антихриста во сне, приобретают символический характер в повести "Портрет". Итак, художественный мир Н. В. Гоголя сложен и неисчерпаем. Обладая остротой зрения, Н. В. Гоголь открывает в своих произведениях сокрытые тайны с помощью снов, в которых открывается второе видение инобытия.

Литература

1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. / Н. В. Гоголь. - М.: Худож. лит., 1984—1986.
Т. 1 : Вечера на хуторе близ Диканьки. - 1984. - 319 с.
Т. 3 : Повести. - 1984. - 294 с.
2. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. - М.: Просвещение, 1971. - 512 с.
3. Ремизов А. М. Сны и предсонья / А. М. Ремизов. - СПб.: Азбука, 2000. - 432 с.
4. Терц А (Синявский А) В тени Гоголя / А. Терц. - М.: КоЛибри, 2009. - 672 с.